УДК 1 (91)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-4-240-256

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

rina.volf@gmail.com

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ДВА КЕЙСА

Ричард Рорти предложил трактовать философию как культурную политику, связывая ее со сменой словарей философии в сторону морального и политического контекста и полагая философию в первую очередь как программу действия, как социальную и лингвистическую практику. В контексте обсуждения автономии существования историко-философской дисциплины мы считаем, что она также может функционировать как культурная политика, что позволяет в таком аспекте говорить о новом современном модусе существования истории философии. Рассматриваются два кейса, которые иллюстрируют такое понимание истории философии, а именно, когда историки античной философии (М. Нуссбаум и Б. Кассен) использовали культурные образцы прошлого для создания современных актуальных гуманистических и социальных проектов.

Ключевые слова: история философии, культурная политика, прагматизм, Ричард Рорти, Марта Нуссбаум, Барбара Кассен, развитие человеческого потенциала, проблема несоизмеримости, проблема перевода, словари.

Сегодняшние реалии все настойчивее подсказывают нам, что главными действующими лицами в мире следует считать политиков, силы, которые действительно что-то решают, сосредоточены в руках военных, что в приоритете стоят экономические ценности, а под культурой понимается либо то, что находится в ведении Министерств культуры и образования, либо остается прибежищем узкого круга интеллектуалов, где и пребывает в относительной изоляции. Современный мир все тише говорит о важности гуманитарной составляющей, но забыть о ней – это значит забыть о том, что однажды

ISSN 2541-7517. Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 240–256.
© М. Н. Вольф, 2018

философия и литература сделали мир другим, и продолжают изменять его сегодня. Навыки, которым учат гуманитарные науки, в техногенном мире кажутся невостребованными, а компетенции, которые они дают – избыточными. Однако именно они снабжают нас теми «технологиями», без которых невозможна организация совместного пространства, невозможны эмпатия, коммуникация и понимание.

Культурная политика редко включается в список политтехнологий, поскольку подразумевается, что это еще одна сфера государственной экспансии, находящаяся в полном ведении и подчинении у государства, не являющаяся чем-то действительно «технологичным». Политическая риторика будет нам говорить, что необходимо определяться с внятным формулированием культурной политики на различных уровнях власти, но при этом понятие культурной политики трактуется крайне узко. Чаще всего она понимается как арена, на которой развертываются баталии между социальными, экономическими и политическими ценностями, в результате которых создаются новые или модифицируются старые ценности, а их проводниками в мир служат объединенные усилия медиа, средств и технологий коммуникации и политиков. Создается впечатление, что во всем этом хорошо отлаженном процессе не предполагается какой-либо ниши, куда могли бы органично встроиться философия или хотя бы культура как таковая. Можно предположить, что за этим стоит желание, а вернее нежелание самих культуры и философии, поскольку они подразумевают принципиально другой способ существования и действия: политика и государство ассоциируются с принуждением и подчинением, культура и философия – со свободой. Термин «культурная политика» в таком ключе оказывается самопротиворечивым: человек может делать что-то необходимое, но будет ли он *хотеть это делать*, т. е. делать *добровольно,* зависит только от его свободы воли. Можно не вспоминать примеры тотального ментального эскапизма людей, зажатых в определенных социальных и политических рамках, которыми полнятся фильмы и книги. В таком случае, что же подразумевает термин «культурная политика», когда его употребляют философы, и почему они это делают?

Концепция философии как культурной политики Р. Рорти

Сегодня складывается впечатление, что философия мало на что может повлиять. Маргинализовавшись, уйдя в собственные узкие интеллигибельные сферы, философия почти не имеет активного голоса в социальном пространстве ни в сравнении с древнегрече-

ской эпохой, когда философы писали законы для полисов, ни даже в сравнении с серединой XX в., когда публичные заявления философа играли значимую роль в предотвращении ядерного Армагеддона[1]. Тем не менее философия не теряет надежду оставаться влиятельной и вносить свой вклад, по выражению Рорти, в продолжающийся разговор человечества о том, что ему делать с самим собой [Rorty, 2007. P. ix]. Однако этот давний разговор, длящийся минимум 2,5 тыс. лет, создал новые практики и внес определенные изменения в словари, с помощью которых он ведется, и эти словари в современном мире смещают фокус в сторону морального и политического контекста. Философы стремятся вносить в эти словари свои поправки, и это для них – одна из стратегий вмешательства в культурную политику, для многих – основное предназначение философии [Ibid.]. Вся вторая половина XX в., особенно в континентальной философии, полна отчаянными попытками философов, часто на гране эпатажа и утраты академических границ, оказать влияние на политические системы и государственные политики (Франкфуртская школа, Хабермас, Жижек и др.). Однако роль философии при такой стратегии оказывается вторичной, подчиненной политическим и экономическим интересам, следующей заданным ими курсом.

Наряду с этим имеется такое понимание культурной политики, в котором определяющим является собственно философское содержание. Понятие «философия как культурная политика» с философской доминантой было введено американским философом Ричардом Рорти. Последнее десятилетие своей жизни, с 1996 по 2006 г., Рорти настойчиво возвращается к теме культурной политики [2], повторяя одну и ту же мысль, что используемые той или иной культурой слова (термины, афоризмы, выражения и пр.) формируют определенные словари, а те, в свою очередь – культуру социальных отношений, и в таком случае культурная эволюция сопряжена с эволюцией социальных и лингвистических практик [Ibid. P. 158]. По мнению Рорти, имеются слова, от которых человечество должно отказаться. Слово «негр», сказанное белым, «бош», сказанное французом в отношении немца, благородные, полукровки, расы, – все эти слова должны уйти

[1] Мало кто знает о том влиянии, которое оказал Б. Рассел на общественное мнение и политику США в первой половине XX в. в связи с ядерной угрозой. Обсуждению вклада Рассела в решение этих вопросов посвящен цикл эссе: [Bertrand Russell on nuclear war..., 2002].

[2] Статьи Р. Рорти, так или иначе затрагивающие вопросы культурной политики, включены в последний из четырех томов избранных философских работ, посвященный изменению роли философии в западной культуре [Rorty, 2007].

и почти ушли из нашего обихода [Ibid.]. Однако остается и появляется значительное количество других слов, которые снижают градус нашей толерантности друг в отношении друга.

Другой момент, на который обращает внимание Рорти, связан с широтой или узостью контекста, с целевой группой, в которой те или иные «провоцирующие» слова будут звучать уместно. Он иллюстрируется двумя яркими примерами. Рорти отмечает, что слово «раса» должно перекочевать в медицинский и генетический вокабуляр и не использоваться в политическом контексте, а исключительно в научном. Напротив, разговор о нейтронах и радиоактивности только на первый взгляд кажется сугубо научным, однако, исходя из сопутствующих этому понятию следствий, он оказывается принципиально политическим и социальным [Ibid. P. 4].

Культурную политику, по мнению Рорти, должны определять такие слова, как «аскет», «пророк», «беспристрастный искатель истины», «гражданин», «революционер» [Ibid. P. ix]. Культурная политика формируется, продолжает он, когда мы обсуждаем возможные эскизы идеального или хотя бы справедливого общества либо государства. Хотя в разные времена это были разные модели: греческий полис, христианская церковь и др., однако философия всегда стремилась вмешиваться в культурную политику, что выражалось не только в ее стремлении создавать, вносить свои дополнения и корректировки в такого рода модели, но и в ее попытках сглаживать непримиримые противоречия, которые неизбежно возникали при их обсуждении – между разумом и верой, между естественной наукой и общим нравственным сознанием, и пр. Как подчеркивает Рорти, вовлеченность философии в культурную политику всегда была воплощением надежд философов на культурные изменения: «Разумеется, философы занимали определенную сторону в дебатах, но делали они это, прежде спросив себя, какие изменения сможет внести их позиция в социальные надежды, программы действий, пророчества о лучшем будущем. Если никаких позитивных сдвигов не случится, то, вероятно, этого не стоит делать» [Ibid. P. x].

В конечном счете нельзя свести культурную политику только к спору о словах, за этим термином стоит непростая философская задача понять, каким образом граждане демократических обществ могут достичь баланса между ответственностью по отношению к самим себе и к своим согражданам [Ibid. P. 26]. Очевидно, при такой формулировке эта задача переходит в разряд вечных философских проблем. Впервые ее артикулировал Аристотель в «Никомаховой этике» (*EN*. I), совмещая задачи этики и политики и пытаясь понять, каким обра-

зом жизнь гражданина в государстве может создать наилучшие условия для обретения им добродетели и счастья и как установить тонкий баланс между благом одного гражданина и благом государства и всего народа, тем более что интересы тех и других часто не совпадают.

Сам Рорти увязывает идею и задачи культурной политики с прагматизмом, подчеркивая, что прагматизм прежде всего является философией действия, практической философией, основным тезисом которой остается максима Пирса – наше знание о вещах складывается из совокупности наших знаний об их практическом использовании, из тех следствий, которые возникают при таком подходе к вещам. Именно поэтому онтология, которая всегда занимала центральное место в философской проблематике, должна уступить место культурной политике [Rorty, 2007. P. 5]: главный вопрос человечества, который прежде звучал как «что существует?», сегодня формулируется принципиально иначе: «как сделать мир лучше?». Часто мы продолжаем думать о прагматизме как о конкретном северо-американском философском направлении, но Рорти и неопрагматисты подчеркивают, что идеи прагматизма гораздо шире и давно обрели общечеловеческое значение. Достаточно вспомнить, как высоко оценивал прагматизм Ф. К. С. Шиллер в первые десятилетия существования этого направления, предлагая Джеймсу переименовать его в «гуманизм». Уточняя содержание прагматизма через реабилитацию протагоровского тезиса «человек – мера всех вещей», Шиллер полагает нелепым считать его скептическим или нигилистским. Эта максима, по его мнению, не ведет ни к скептицизму, ни к нигилизму или абсолютизму, а только к плюрализму и терпимости. И в этом тезисе оформляется весь дальнейший курс прагматизма на толерантность, релятивизм в его положительном определении и способы преодоления проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов, блокирующей человеческую коммуникацию [Вольф, Косарев, 2018. С. 50]. Ту же самую задачу преследует культурная политика.

Сегодня философия стала профессиональной, академической, автономной и гораздо более изолированной от общества дисциплиной, как и сами философы, чем это было сотню лет назад и ранее. Однако философам следует сопротивляться этим тенденциям автономизации. Чем интенсивнее философия взаимодействует с другими областями человеческой деятельности – не только естественными науками, но и искусством, литературой, религией и политикой, – тем более актуальной, гуманистической становится и культурная политика, и тем более полезной и действенной она будет. В понимании Рорти, культурная политика – это продолжение философского разговора

Запада с самим собой, но в то же время и существенное изменение тональности и курса этого разговора, с введением новых практик и нового словаря. Философы должны понимать, что их прямая задача заключается не в том, чтобы заниматься автономными изысканиями, все более стягивая на себя границы своего дисциплинарного дискурса, а напротив, раскрывая границы собственного знания, быть в состоянии видеть себя в социальной практике, реализуемой как культурная политика.

Обсуждая различные варианты понимания философии, Дж. Дьюи в работе «Философия и демократия» (1919) приходит к выводу, что «философия ни в каком смысле не является формой знания» [Dewey, 1998. P. 72], она должна быть понята как «социальная надежда, сводимая к рабочей программе действий, предсказанию будущего». Если, вслед за прагматистами, рассматривать не только философию в ее практическом аспекте, но и историю философии как серию попыток изменить мир и человечество, то станет очевидно, что и история философии может занять в культурной политике такую нишу, которая бы максимально соответствовала ее задачам. В современной историографии философии нередко звучит вопрос о действительной необходимости автономного существования истории философии и выделения ее из философского знания в самостоятельную дисциплину [3]. Основания для этого были, поскольку история философии в ее контекстуалистском, «антикварном» варианте все больше замыкалась в проблемах прошлого – его языка, культуры, буквального перевода текстов, установления того, «как оно было на самом деле», все сильнее изолируясь как от живых проблем повседневной жизни, так и от актуальных проблем философской дисциплины. Однако в свою очередь сама философия, особенно в рамках аналитической традиции, все глубже погружалась в аисторический метод, фактически относясь к *истории* философии как к строго исторической дисциплине по аналогии с историей точных и естественных наук, в которых актуальные теории и парадигмы раз и навсегда отменяют прежние. Такая установка делала любые философские проблемы и решения прошлого раз и навсегда устаревшими, в лучшем случае годными для ознакомительных университетских курсов, в худшем – комическими образцами отчаянных заблуждений. Однако современный модус существования истории философии убеждает нас в том, что пройти между Сциллой сохранения интеллектуальных образов прошлого, полноты

[3] Обзор этого вопроса см.: [Вольф, 2018].

исторического самосознания и Харибдой вовлеченности в решение живых актуальных задач настоящего возможно.

Ниже мы рассмотрим два кейса, в которых история философии реализует себя, на практике осуществляя культурную политику в своем стремлении изменить мир к лучшему, далеко выходя за пределы своей автономии. Примеры, которые мы выбрали, нельзя назвать стереотипными: они о женщинах-философах, которые имеют непосредственное отношение к истории античной философии, и связаны с конструированием собственных подходов к культурной политике, в основании которых лежат классические образцы и ценности западной цивилизации.

Кейс Марты Нуссбаум

Марта Нуссбаум, американский философ, профессор этики и права, хорошо известна и философам, и историкам философии. Первые работы Нуссбаум в области античной философии (80-е – 90-е гг. XX в.) были посвящены досократикам, античной этике, хорошо известен ее перевод трактата Аристотеля «О движении животных», как и исследования, касающиеся «Государства» Платона и «О душе» Аристотеля. Не менее значимы и влиятельны ее работы в области этики, гендерных исследований, феминизма и либерализма.

Однако если говорить о философии как программе действий, то самым известным, а вернее, наиболее значимым проектом Нуссбаум должен быть назван созданный вместе с индийским политологом и экономистом, нобелевским лауреатом по экономике Амартия Кумар Сеном Индекс развития человеческого потенциала (далее – ИРЧП; HDI – Human Development Index). Вместе с Кумар Сеном Марта Нуссбаум стала одним из основателей «Общества человеческого развития и способностей» (Human Development and Capability Association), а ее участие в проекте Сена не только способствовало исследованиям, но и повлияло на современное понимание ИРЧП, придав ему более гуманистическое звучание. В 1990 г. Индекс разрабатывался экономистами и публиковался ежегодно как экономический показатель. Фактически, как излагает концепцию ИРЧП аналитический портал «Гуманитарные технологии», он представляет собой индекс измерения уровня жизни с учетом валового национального дохода, но также учитываются продолжительность жизни (здоровье и долголетие) и грамотность (доступ к образованию) детского и взросло-

го населения исследуемой территории [4]. В 2010 г. понятие «развитие человека» было дополнено еще тремя компонентами: учет благосостояния (расширение реальных свобод), уважения к правам человека и агентность, и социальная справедливость [5]. На этом основании ИРЧП был скорректирован и дополнен индексами социально-экономического неравенства, гендерного неравенства и многомерной бедности.

Свои идеи, которые нашли применение в Индексе развития и явившиеся итогом ее многолетних исследований, Марта Нуссбаум выразила в книге «Создавая возможности: подход с точки зрения человеческого развития» [Nussbaum, 2013]. В ней Нуссбаум предлагает новый подход к критериям оценки обществ, не просто альтернативный, а призванный прийти на смену концепции учета ВВП для учета эффективности обществ. В интервью «Русскому журналу», сделанному в связи с выходом в свет книги, она говорит: «Мой подход можно условно определить как способ сравнительной оценки качества жизни и теоретизирования о базовой социальной справедливости. Согласно этому подходу, ключевым вопросом при сравнении обществ и оценке базового уровня их достоинства или справедливости является вопрос о том, “что в этом обществе может делать конкретный человек и кем он может стать?” Другими словами, в рамках такого подхода *каждый отдельный человек является самоцелью*, а разговор идет не о совокупном или среднем уровне благосостояния, но о доступных каждому человеку возможностях… В наше время погоня за прибылью и забота об экономическом росте – основные мотивирующие факторы для государств. Однако экономический рост, являясь важной составной частью благоразумной государственной политики, есть всего лишь часть, лишь один из инструментов этой политики» [6]. М. Нуссбаум подчеркивает, что есть точка схождения задач современного развития на международном, равно и на национальном уровне, – позволить людям жить полноценной творческой жизнью, развивая собственный потенциал и обустраивая свое существование в соответствии с присущим всем людям в равной мере человеческим достоинством, обеспечивая людям стабильный культурный прогресс.

---

[4] https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info

[5] Там же.

[6] *Нуссбаум М.* Новый стандарт справедливости // Русский журнал. 2011. 24 нояб. URL: http://www.russ.ru/pole/Novyj-standart-spravedlivosti).

В другой книге «Не ради прибыли» М. Нуссбаум снова возвращается к вопросам человечности, humanities. Книга открывается предупреждением о масштабном кризисе, к которому, в отличие от экономического кризиса, не готов никто и меры по предотвращению которого даже не начинают разрабатываться – это кризис гуманитарных дисциплин [2014. С. 15–16]. Многие страны, реализуя свою экономическую политику, направленную на получение прибыли, сознательно избавляются от изучения гуманитарных наук и искусств, и вместе с ними – от тех навыков, которые лишают их маневренности в погоне за прибылью. За скобки выносятся искусство и гуманитарные дисциплины, которым не только в вузах, но и повсеместно уделяется все меньшее внимание. С точки зрения М. Нуссбаум, уничтожение этих навыков приводит к утрате тех человеческих качеств, которые обеспечивают жизнеспособность демократии. Общественная и гуманистическая значимость гуманитарных наук наравне с искусством очевидна: они развивают у молодых поколений способность к критическому, образному, творческому, а с ним – и к «изобретающему», мышлению, формируют эмпатию, чувство сострадания, учат сдерживать агрессию и видеть мир глазами других людей, готовят молодежь к самостоятельным действиям, к разумному сопротивлению застывшим традициям, нести ответственность за собственные суждения и свободно обмениваться мнениями с другими членами общества [Там же. С. 23–25, 32].

Эти рассуждения напрямую связаны с ИРЧП, – мы заблуждаемся, когда полагаем, что экономический рост всегда ведет к улучшению качества жизни. Качество жизни людей и процветание государств напрямую зависят от искусств и гуманитарных наук, пренебрежение ими приведет к тому, что «скоро все страны мира начнут производить поколения полезных машин, а не полноценных граждан» [Там же. С. 15].

То, что предлагает Нуссбаум – и новый план воспитания, и соответствующая ему сократическая педагогика, призванная воспитать не просто граждан, а «универсальных» граждан, граждан мира, – является «призывом к действию», образцом практической философии и культурной политики, результатом которой может стать формирование «полноценных членов общества, обладающих собственными мыслями и чувствами и заслуживающих уважение и сострадание, и государства, которые способны преодолеть страх и подозрительность и предпочесть им дискуссию, основанную на взаимном уваже-

нии и оперирующую обоснованными доводами» [Там же. С. 27–28, 31–33, 44, 77].

Кейс Барбары Кассен

Барбара Кассен как историк философии хорошо известна в первую очередь своими исследованиями софистики и риторики. Наиболее известны ее перевод древнегреческого анонимного трактата «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» [Cassin, 1980], а российскому читателю – монография «Эффект софистики» [Кассен, 2000], исследования, посвященные Пармениду, Аристотелю. Широко известны работы Кассен, касающиеся философии постмодернизма.

Одна из доминантных идей, которую стремится выразить Барбара Кассен, заключается в том, что софистика, которую тщательно вытесняли из философии Платон и Аристотель, а вместе с ними – и практически вся последующая философская традиция, тем не менее обладает значительным потенциалом, который раскрывается в контексте лингвистического поворота. Софистика и риторика, равно как и логика, имеют дело с анализом языка, анализом лежащих в его основании структур, без чего невозможно никакое философское осмысление действительности и ее описания. Однако они делают это на основании другого типа рациональности, которую часто толкуют как коммуникативную. В частности, механизмы, применяемые риторикой и софистикой, активно используются в политике, журналистике, юриспруденции и других областях социальной жизни, тесно соприкасающихся с эмоциональной сферой и практикой убеждения, которые, как полагают, не поддаются формальному анализу.

Обсуждая проблемы политической риторики, политики памяти, создания образа прошлого, Б. Кассен подчеркивает, что политические силы скорее изобретают прошлое, чем стремятся сохранить и воссоздать его, делая его инструментом достижения конкретных политических целей [7]. Однако коллективная память может оказаться инструментом не только национальной или государственной политики, но прежде всего культурной политики. Именно в таком ключе мы предлагаем трактовать наиболее значимый проект, который реализует Б. Кассен – «Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей», начало которому было положено в 2004 г. [8]

---

[7] Кассен Б. Амнистия и прощение: о разделительной полосе между этикой и политикой // Гефтер. 24.09.2012 (http://gefter.ru/archive/6260)

[8] Французское издание [Vocabulaire européen des philosophies, 2004] легло в основу проектов на других языках. Русское издание словаря [Европейский словарь фило-

Только на первый взгляд может показаться, что «Европейский словарь» – это всего лишь книга. В действительности это – полномасштабный проект, который часто называют одним из самых ярких интеллектуальных проектов Европы. С одной стороны, «Словарь» реализует еще один способ написания европейской философии, способ изложить ее историю, осмыслить ее уникальную специфику, с другой стороны – возможность сделать это без свойственного Европе европоцентризма, избегая предрассудков и пережитков, и раскрыть при этом связь различных понятий философии и культуры в контексте разных языков, менталитетов и институтов, связь прошлого и настоящего в интеллектуальном наследии Европы.

Одной из ключевых философских проблем современности является проблема несоизмеримости. Почти одновременно поставленная во 2-й половине XX в. Т. Куном и П. Фейерабендом в философии науки как проблема несоизмеримости научных теорий, за последующие 40 лет она претерпела определенную эволюцию и сегодня распространяется в том числе на концептуальные схемы, которые поддерживаются различными языками. Соответственно несоизмеримость концептуальных схем ведет к несоизмеримости, или непереводимости, языков [Дэвидсон, 1993]. Подзаголовок словаря «Лексикон непереводимостей» подчеркивает его главную миссию – акцентуацию на проблеме несоизмеримости [9]. Любой философ так или иначе сталкивается с проблемой перевода, причем не только с языка на язык (с греческого – на латынь, с латыни – на немецкий, с немецкого – на английский, и т. д.), но и перевода из одной концептуальной схемы, определяемой временным, социальным, политическим и пр. контекстом, в другую.

Иллюзия переводимости с языка на язык подпитывается почти тотальным использованием «имперского» globish, английского, по меткому выражению М. Маяцкого «в его калеченном изводе “средства международного общения”», в парадигму которого человечество пытается втолкнуть все возможные смыслы и любое содержание. Английский негласно признается нейтральным концептуальным языком, в матрицу которого сегодня старательно укладываются все языки и смыслы не без вмешательства авторитета аналитической фи-

---

софий, 2009–2016] публикуется на основании украинского перевода [Європейський словник філософій, 2009–2016]. Еще до выхода русскоязычной версии появление украинского варианта словаря вызвало большой резонанс в российской литературе [Голубович, 2010; Маяцкий, 2011; Кассен, 2011].

[9] К слову сказать, в английском переводе «Словаря» фокус смещен именно на эту часть названия [Dictionary of Untranslatables, 2014].

лософии, чей сухой и формальный язык, излеченный от болезни многозначности и образности естественных языков, напрямую отождествляется с английским. Он по умолчанию становится посредником, медиатором при переводе с одного языка на другой, и шутка «переводить философские трактаты нужно с оригинала, т. е. с английского» угрожает стать действительностью. Человечество стоит перед выбором: поддаться очередному искушению создать универсальный язык, несмотря на то, что все предыдущие попытки оказались провальными, хотя и привели к пусть побочным, но весьма значимым результатам [Эко, 2007], либо наоборот, отказаться от единственного чисто утилитарного языка, по крайней мере в гуманитарных науках, поскольку значительная часть исследований в этой области не может в полной мере осуществляться таким образом [10].

Задача, стоящая перед «Словарем», как раз и заключается в том, чтобы показать, что не существует каких-либо сакральных, специфических для написания философии языков (какими долгое время считались греческий и немецкий, а теперь эту роль берет на себя английский), и что несмотря на проблему непереводимости языков и стоящих за ними концептуальных схем, взаимное обогащение и коммуникация между ними все же возможны. По мнению Кассен, «при переходе от одного языка к другому не только слова, но в равной степени и терминологические сети, грамматика и синтаксис не накладываются друг на друга, и подобные различия вовсе не являются источником контекстной темноты, которую следовало бы во что бы то ни стало «прояснить» с помощью какого-то одного универсального языка, сведенного к своему самому простому выражению. Наоборот, эта несоизмеримость не требует уничтожения, потому что она – суть источник обогащения языков, поскольку каждый язык набрасывает на этот мир какую-то свою, новую уникальную по-

[10] [Кассен, 2011. С. 7]. Неудивительно, что в попытках создать универсальный язык страдают не только языки мира, существенно упрощаясь и подстраиваясь под английский, но и язык английской культуры, превращаясь в служебный globish, также нуждается в защите от упрощения наряду с другими языками. Проект «Social Science Translation Project», начатый по инициативе «American Council of Learned Societies», с одной стороны, направлен на реализацию этих задач, с другой – перекликается с задачами «Словаря». Этому проекту принадлежит «Слово в защиту публикаций на своих языках, обращенное к научным исследователям», где говорится: «Стиль мышления и способ аргументации, присущие гуманитарным наукам в англо-американской среде, стали прокрустовым ложем, в чьи рамки должны укладываться все типы концептуализации. Результатом чего является все возрастающая унификация и оскудение самого характера научного рассуждения, истощения самого метода рассуждения» (цит. по: [Кассен, 2011, С. 7–8]).

нятийную сетку» [Кассен, 2011. С. 7]. Именно поэтому разноязычные версии «Словаря» радикально различны по своей структуре и отчасти различны по содержанию. Словарь живет и эволюционирует в зависимости от того, в какой концептуальный каркас он попадает и на каком языке звучит: составители и переводчики не только меняют его структуру, но и добавляют разделы и словарные статьи, свойственные именно этой культуре и языку [11].

Б. Кассен, вспоминая Умберто Эко, цитирует его слова: «...язык Европы – это перевод» [Кассен, 2011. С. 10]. Однако в рамках проекта «Словаря» переводчик выступает скорее в роли «проводника между способами мышления» [Маяцкий, 2011. С. 14]. В этом смысле «Словарь» озабочен скорее не переводом как таковым, а вовлечением как можно большего числа национальных языков в *разговор человечества*, созданием единого дискурсивного и коммуникативного пространства, внутри которого мы не будем нуждаться в переводе как таковом. С этой задачей перекликается еще один проект, реализованный по инициативе Б. Кассен в 2013 г. в Париже – «Мультиязычная лекция – Поэма Парменида» («Lecture multilingue – Le Poème de Parménide»). Заявленный как лекция, этот проект, однако, был осуществлен как театральная пьеса на сцене «Palais de Tokyo» под руководством режиссера Даниэля Месгича. Авторы проекта стремились привлечь внимание к переводу как новой парадигме гуманитарных наук. Команда (а в данном контексте лучше сказать «труппа») философов-антиковедов и переводчиков из Великобритании, Бразилии, Франции, Германии и Китая, среди которых такие влиятельные исследователи античной философии, как Джонатан Барнс, Фернандо Санторо, Хайнц Висманн, вместе с Барбарой Кассен читали со сцены фрагменты поэмы Парменида на древнегреческом и в различных переводах (включая эсперанто), что, по мнению авторов лекции, помогло показать, как создаются оригинал философского произведения и его копии, как работает история философии. Конечно, данный проект не получил столь широкого резонанса, как «Словарь», тем не менее, отлично показал, что антиковедение и античная философия, как и вообще история философии, являются на деле не столь уж антикварными и кабинетными, как о них принято думать, и могут с не меньшей отдачей включаться в реализацию культурной политики как практического раздела философии.

---

[11] О расхождениях французского оригинала и украинской версии см.: [Голубович, 2010]; о русской части «Словаря», написанной украинскими исследователями и переводчиками, см.: [Маяцкий, 2011]. В рецензии на русскую версию «Словаря» [Балла-Гертман, 2016] также дан обзор структуры.

Рассмотренные выше кейсы, на наш взгляд, хорошо показывают, что социальные науки и философия, разумеется, влияют на инструменты культурной политики, определяют ее содержание. Делают это они в первую очередь посредством языка, словарей, сопряженных с ними определенных, в первую очередь философских практик, в немалой степени привлекая тот, которым обладает история философии. Ведь кому как не ей знать, на каких языках говорила европейская культура и как сделать так, чтобы современный мир не перестал понимать эти языки, чтобы не прервался разговор человечества о самом себе, своих надеждах и своем месте в будущем.

Список литературы

Балла-Гертман О. А. Корни универсальности. Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под рук. Б. Кассен; пер. с фр. Киев: Дух і Літера, 2015. Т. 1. 450 с. // Вестн. Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2 (20). С. 133–137.

Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–201.

Вольф М. Н., Косарев А. В. Риторический поворот основателей прагматизма // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 431. С. 47–53.

Голубович И. В. Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей (французский оригинал и украинская версия: универсум, мультиверсум, картография) // Идеи и идеалы. 2010. № 3 (5). Т. 2. С. 92–103.

Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избр. тексты. М., 1993. С. 144–159.

Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под рук. Б. Кассен. Киев: Дух і Літера, 2015–2017.

Кассен Б. В защиту непереводимости. Беседа с Микаэлем Устинофф // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 4–12.

Кассен Б. Эффект софистики / Пер. с фр. А. Россиуса. М.; СПб.: Моск. филос. фонд; Университетская книга, 2000.

Маяцкий М. Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» / Под ред. Б. Кассен (2004) // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 13–21.

Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии гуманитарные науки. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. А. Миролюбовой. М.: Александрия, 2007.

Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей / Під керівництвом Барбари Кассен. Киев: Дух і Літера, 2011–2016.

Bertrand Russell on nuclear war, peace, and language: critical and historical essays / Ed. by A. Schwerin; under the auspices of the Bertrand Russel Society. Westport: Praeger Publ., 2002.

Cassin B. Si Parménide – le traité anonyme De Melisso Xenophane Gorgia. Edition critique et commentaire. Presses universitaires de Lilies / Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

Dewey J. Philosophy and Democracy // The Essential Dewey / Eds. L. A. Hickman, T. M. Alexander. Indiana Univ. Press, 1998. Vol. 1: Pragmatism, Education, Democracy. P. 71–78.

Dictionary of Untranslatables. A Philosophical Lexicon / Ed. by B. Cassin. Princeton and Oxford, 2014.

Nussbaum M. Creating Capabilities. The Human Development Approach. Cambridge, 2013.

Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. Vol. 4.

Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / Sous la direction de B. Cassin. Paris: Seuil, 2004.

Материал поступил в редколлегию 20.09.2018

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

rina.volf@gmail.com

HISTORY OF PHILOSOPHY AS CULTURAL POLITICS: TWO CASES

Richard Rorty proposed to interpret philosophy as cultural politics, understanding it as the shift of philosophy vocabularies to the moral and political context, and considering philosophy primarily as a program of action, a social and linguistic practice. In the context of discussing the autonomy of the history of philosophy as a discipline, we believe that it can also function as a cultural policy, which allows in this aspect to talk about the new contemporary mode of existence of the history of philosophy.

The paper discusses two cases that illustrate this understanding of the history of philosophy, namely when the specialists in ancient philosophy (M. Nussbaum and B. Cassin) used the cultural patterns of the past to create contemporary, relevant humanistic and social projects.

Keywords: history of philosophy, cultural politics, pragmatism, Richard Rorty, Martha Nussbaum, Barbara Cassin, human development, the problem of incommensurability, the problem of translation, vocabularies.

References

Balla-Hartman O. A. Korni universalnosti. Evropeiskii slovar' filosofii: Leksikon neperevodimostei / pod rukovodstvom Barbary Kassen. Perevod s francuzskogo. T. 1. K.: Duh i litera, 2015. 450 p. [The roots of universality. European Dictionary of Philosophy: The Lexicon of Untranslatability / under the guidance of Barbara Cassin. Translation from French. V. 1. Kiev: Dukh i Litera, 2015. 450 p.] *Vestnik of the Samara Humanitarian Academy. Series*: *Philosophy. Philology*, 2016, no. 2 (20), p. 133–137. (In Russ.)

Bertrand Russell on nuclear war, peace, and language: critical and historical essays. A. Schwerin (ed.); under the auspices of the Bertrand Russel Society. Westport, Praeger Publ., 2002.

Cassin B. *Effekt sofistiki* [*Effect of Sophistry*] / Transl. A. Rossius. Moscow, St. Petersburg, 2000. (In Russ.)

Cassin B. *Si Parménide – le traité anonyme De Melisso Xenophane Gorgia. Edition critique et commentaire*. Presses universitaires de Lilies / Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

Cassin B. V zashhitu neperevodimosti. Beseda s Mikaelem Ustinoff [In defense of untranslatability. Chatting with Michael Ustinoff]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), p. 4–12. (In Russ.)

Davidson D. Ob idee kontseptualnoi shemy [On the Very Idea of a Conceptual Scheme]. *Analiticheskaya filosofiya*. *Izbrannye teksty* [*Analytical Philosophy. Selected Texts*]. Moscow, 1993, p. 144–159. (In Russ.)

Dewey J. Philosophy and Democracy. *The Essential Dewey*. L. A. Hickman, T. M. Alexander (eds.). Indiana Univ. Press, 1998, vol. 1: Pragmatism, Education, Democracy, p. 71–78.

Dictionary of Untranslatables. A Philosophical Lexicon. B. Cassin (ed.). Princeton and Oxford, 2014.

Eco U. *Poiski sovershennogo yazyka v evropeiskoi kulture* [*The Search for the Perfect Language in the European Culture*]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Evropeis'kii slovnik filosofii: Leksikon neperekladnostei / pid kerivnictvom Barbari Kassen [*European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms*]. B. Cassin (ed.). Kiev, 2015–2017. (In Ukr.)

Evropeiskii slovar filosofii: Leksikon neperevodimostei / pod rukovodstvom Barbary Kassen [*European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms*]. B. Cassin (ed.). Kiev, 2015–2017. (In Russ.)

Golubovich I. V. Evropeiskii slovar filosofii: Leksikon neperevodimostei (francuzskii original i ukrainskaya versiya: universum, multiversum, kartografiya [European Dictionary of Philosophy. Lexicon of Untranslatable terms (French original and Ukrainian version): Cosmos and Cartography. *Ideas and Ideals*, 2010, no. 3 (5), vol. 2, p. 92–103. (In Russ.)

Mayatskiy M. Neperevodimosti realnye i voobrazhaemye. Listaya «Evropeiskii slovar filosofii: leksikon neperevodimostei» / pod red. B. Kassen (2004) [Untranslatable real and imaginary Leafing through the «European Dictionary of Philosophy: the Lexicon of Untranslatability». B. Cassin (ed.). (2004)]. *Logos*, 2011, no. 5–6 (84), p. 13–21. (In Russ.)

Nussbaum M. *Creating Capabilities. The Human Development Approach*. Cambridge, 2013.

Nussbaum M. *Ne radi pribyli: zachem demokratii gumanitarnye nauki* [*Not for Profit. Why Democracy Needs the Humanities*]. Moscow, 2014. (In Russ.)

Rorty R. *Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, vol. 4.

Vocabulaire européen des philosophies: *Dictionnaire des intraduisibles* / Sous la direction de B. Cassin. Paris, Seuil, 2004.

Volf M. N. Istoriografiya istorii filosofii kak modus analiticheskoi istorii filosofii [Historiography of the history of philosophy as a modus of the analytic history of philosophy]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 189–201. (In Russ.)

Volf M. N., Kosarev A. V. Ritoricheskii povorot osnovatelei pragmatizma [The rhetorical turn of pragmatism's founders]. *Vestnik of Tomsk State University*, 2018, no. 431, p. 47–53. (In Russ.)